

Регрессный иск к следственным органам: легальное средство назначения «стрелочника», допустившего сбой в уголовно-процессуальной системе

Ковтун Николай Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России
E-mail: kovtunnnov@mail.ru

Аннотация. В 2018 г. правовая комиссия Правительства Российской Федерации одобрила законопроект о совершенствовании института регрессных исков к следственным органам, правовые основы которого находятся как в нормах гл. 18 УПК РФ, так и ст. 1069, 1070, 1080, п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ. Суть этого законопроекта в оптимизации субъектов и практики регрессного взыскания с виновных лиц следственных и иных правоохранительных органов тех денежных средств, которые были возмещены реабилитированному за счет казны Российской Федерации в порядке гл. 18 УПК РФ [1]. В 2019 г. в Государственную Думу РФ внесен законопроект, устанавливающий минимальные размеры денежной компенсации государства за незаконное уголовное преследование тех лиц, в отношении которых (в дальнейшем) состоялся реабилитирующий акт. Среди новаций законопроекта: минимальная компенсация реабилитированному — 1 000 руб. за каждые сутки предварительного расследования и судебного следствия; 5 000 руб. в сутки — за незаконное применение таких мер пресечения, как домашний арест, запрет определенных действий или подписка о невыезде; 15 000 руб. — за сутки незаконного пребывания в следственном изоляторе [2].

В случае принятия этих новаций суммы регрессных требований к следственным органам возрастут кардинально. Причины указанного в нарастающих констатациях, суть которых в том, что в рамках реализации института реабилитации федеральный бюджет ежегодно и невосполнимо теряет огромные средства; регресс при этом практически не работает. Как и в каких направлениях могут объективироваться тенденции данных регрессных взысканий с виновных лиц следственных органов, призвано обозначить реализованное нами исследование практики разрешения регрессных исков в Российской Федерации за последние годы. Практики неоднозначной, коллизионной, потенциально опасной для функционирования следственных органов. **Ключевые слова:** уголовное преследование, реабилитация, вред, возмещение, казна Российской Федерации, регрессные требования, служебная проверка, регрессаты.

И в доктрине российского уголовно-процессуального права, и в отраслевой правоприменительной практике фактически общепризнанным является тезис о том, что именно институт реабилитации, закрепленный в нормах гл. 18 УПК РФ, наиболее емко и веско объективирован в качестве реальной гарантии обеспечения интересов и прав тех заинтересованных лиц, в отношении которых публично констатирован факт незаконности уголовного преследования. Достаточно известно и то, что при характеристике сути и целевого назначения этого института в уголовном судопроизводстве России «доброй» по сути традицией стали акцентуации к его истокам в общепризнанных принципах и нормах

международного права¹ и обязательствам Российской Федерации, принятым на себя в соответствии с ратифицированными международными договорами межгосударственного характера².

¹ Статья 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. императивно определяет: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом». По сути, аналогично: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (подп. «а» п. 3 ст. 2, п. 5 ст. 9 и п. 6 ст. 14).

² См., напр.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (п. 5 ст. 5); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. (ст. ст. 13, 14); Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. (ст. 85); и др.

Как следствие, нормы ст. 53 Конституции РФ, в соответствии с которыми каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц, суть официальное признание императивности указанных общепризнанных норм, а нормы гл. 18 УПК РФ — имплементация их исходных велений в национальный механизм судебной защиты.

Стержневая идея этого института заключается в том, что государство берет на себя публичную обязанность по максимальному возмещению вреда реабилитированному, причиненного в ходе незаконного уголовного преследования следственными органами, прокуратурой или судом вне зависимости от вины указанных органов и их должностных лиц (ч. 1 ст. 133 УПК РФ), ибо последние действуют в процессе *ex officio*, реализуя функции государства. Нравственная сторона данного императива безупречна и с юридической, и с фактической стороны, так как именно государство определяет структуру и штаты судебных и правоохранительных органов, закрепляет их функции и властные полномочия, регламентирует средства и процесс деятельности. Как следствие, изначально берет на себя всю полноту возможной материальной ответственности за ход и ее возможные результаты.

Оговоренное изъятие из этого правила: установленная приговором суда, вступившим в законную силу, вина должностных лиц правоохранительных и судебных органов в заведомо незаконном осуществлении уголовного преследования (привлечения к уголовной ответственности), вследствие которого государство в той или иной мере возместило вред реабилитированному лицу. Исключительно в данном случае государство оставляло за собой право регресса к виновным должностным лицам следственных органов, прокуратуры, суда в пределах тех сумм, которые (ранее) были возмещены реабилитированному в порядке гл. 18 УПК РФ за счет казны Российской Федерации. Ставить под сомнение правомерность этого обратного требования не было оснований, ибо, согласуясь с конституционным принципом презумпции невиновности (ст. 49), регрессный иск государства имел под собой весомый фундамент юридических и фактических оснований (ст. 1069, 1070, 1081 ГК РФ). Действуя противоправно, вопреки установленным функциям, умышленно фальсифицируя доказательства или злоупотребляя властными полномочиями (ст. 285, 286, 294, 299, 301, 303 УК РФ), виновные на общих основаниях были обязаны отвечать за содеянное, в том числе по требованиям материального (имущественного или компенсационного) характера. Однако воля государства в этом вопросе, как известно, была

изменена Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ³.

В соответствии с новыми векторами, преюдициальное правило об императивном наличии приговора суда, вступившего в законную силу и призванного констатировать вину должностных лиц судебных и правоохранительных органов в осуществлении незаконного уголовного преследования, сохранило свою легальную силу лишь применительно к судьям. И, напротив, для должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры это условие утратило силу, и по букве новаций, закрепленных в п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, право государства на предъявление регрессного иска стало легальным без официальной констатации их вины посредством приговора, вступившего в законную силу.

Насколько эти новации объективируют личную привилегию судей и соответствуют конституционному принципу равенства всех перед законом и судом, (пока) оставим без комментария, ибо непосредственно практика рассмотрения и разрешения регрессного иска явила столь сложные правовые коллизии, что теоретически дискутировать о нравственной «чистоте» отдельных конституционных идей следует, лишь определившись в сути исходных проблем. Указанное тем более актуально, что в отличие от комплексного института реабилитации, предусмотренного нормами гл. 18 УПК РФ, законодатель весьма лапидарно обозначил предмет, основания и собственно «механизм» предъявления и разрешения регрессного иска. Подобная «забывчивость», естественно, была широко и весьма разнообразно восполнена практикой отправления правосудия по этой категории дел и позициями правовой российской доктрины.

Рассмотрим, к примеру, основания предъявления регрессного иска к должностным лицам, уполномоченным в силу закона осуществлять функцию уголовного преследования. По букве закона: «Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда по основаниям, предусмотренным ст. 1069 и 1070 ГК РФ, а также по решениям Европейского Суда по правам человека, имеют право регресса к лицу, в связи с незаконными действиями (бездействием) которого произведено указанное возмещение» (п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ).

³ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ.

Из сути этого нормативного правила доктрина выводит систему весьма интересных итоговых выводов. В.А. Потетин, к примеру, пишет о том, что право обратного требования к конкретному регрессату возникает у государства уже в момент признания его действий (бездействия) незаконными. В итоге, для предъявления регрессного иска не требуется установления вины регрессата в соответствии с приговором. Преюдициальным значением для предъявления обратных требований к должностным лицам следственных органов обладают: обвинительный приговор; заключения служебных проверок; решения руководителя следственного органа, прокурора, суда о признании отдельных действий и решений следователя незаконными [3, с. 82].

Возьмем: право регрессного требования к должностным лицам следственных органов возникает у государства не в момент вынесения оправдательного приговора — как акта реабилитации (ст. 306 УПК РФ) и не в момент вынесения постановления о прекращении производства по делу по реабилитирующим основаниям (ч. 2 ст. 212 УПК РФ). Во-первых, эти решения должны вступить в законную силу. Во-вторых, суд по обращению реабилитированного в порядке ст. 399 УПК РФ должен принять итоговое решение о пределах возможного возмещения вреда, и это решение также должно стать окончательным. В-третьих, чтобы появилось материальное основание регрессного иска, государство должно реально возместить вред, определенный решением суда, перечислив денежные средства реабилитированному через Управление федерального казначейства по субъекту Российской Федерации. В-четвертых, оправдательный приговор, выступающий в качестве легального акта юридической реабилитации, ни при каких условиях не констатирует факт виновности тех или иных должностных лиц следственных органов в осуществлении незаконного уголовного преследования. В соответствии со ст. 252 УПК РФ рассмотрение и разрешение дела в суде осуществляется исключительно в отношении подсудимых и лишь в пределах того обвинения, по которому они преданы суду. В силу указанного: «...использование в приговоре формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступлений других лиц, не допускается»⁴; суды апелляционной и кассационной инстанции однозначно реагируют на подобные нарушения закона. Тем более указанное касается постановлений следственных

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» (пункт 24) // СПС КонсультантПлюс.

органов о прекращении производства по делу по реабилитирующим основаниям:

- «...сам по себе факт прекращения уголовного преследования не может служить основанием для признания противоправными действий следователя, осуществлявшего предварительное следствие по уголовному делу, документы, которые бы подтверждали, в чем конкретно выразилось ненадлежащее выполнение ответчиками должностных обязанностей, и насколько это привело к вынесению прекращения уголовного преследования в отношении О., истцом не представлены»⁵;
- «...факт прекращения уголовного преследования в отношении лица, которому государством компенсирован моральный вред, причиненный незаконным привлечением к уголовной ответственности, не является безусловным основанием для взыскания со следователя денежных средств в порядке регресса, так как незаконность действий именно следователя должна подтверждаться надлежащими доказательствами»⁶.

Таким образом, любые потуги «обосновать» легальную в целом возможность прямых регрессных взысканий с должностных следственных органов без решения вопроса о виновности последних в причинении вреда реабилитированным изначально лишены юридических оснований. Законом не установлена безвиновная ответственность лица, в связи с незаконными действиями которого возмещен вред. В итоге, в попытках объяснить истинную волю законодателя, закрепленную в нормах п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, доктрина российского права прилагает усилия к обоснованию куда как более сложных и «замысловатых» конструкций.

М.В. Зяблина и Е.В. Великая, к примеру, итожат: «По общему правилу п. 2 ст. 1064 ГК наличие вины должностных лиц презюмируется, они могут быть освобождены от нее, только если докажут, что вред причинен не по их вине. В то же время бремя доказывания юридически значимых обстоятельств закон возлагает на непосредственного причинителя вреда. В связи с этим установление вины должностного

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2020 по делу № 88-1874/2020 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=2767#08844884207674828> (дата обращения: 06.07.2020).

⁶ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 06.10.2016 по делу № 33-13109/2016 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» (далее — ГАС «Правосудие»): интернет-портал. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 20.05.2020).

лица органов дознания, следствия и прокуратуры является необходимым специальным условием для возникновения регрессной ответственности» [4, с. 15–16].

Сформулировано, признаем, красиво. Однако при всей познавательной ценности этого суждения, несколько трудно понять: каким именно образом вина указанных должностных лиц (для целей п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ) одновременно и презюмируется (пока причинители вреда не докажут, что вред наступил не по их вине); и выступает в качестве бремени доказывания для ответчиков по регрессному иску; и является обязательным специальным условием возникновения регрессной ответственности. Причем условием настолько существенным и обязательным, что при недоказанности этой вины регрессный иск в принципе предъявить невозможно.

Столь же согласуются и следующие суждения названных авторов: «для предъявления регрессного иска к должностным лицам органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры наличие решения суда, устанавливающего их виновность, закон не требует»; вместе с тем: «бесспорным основанием предъявления регрессного иска является вступивший в законную силу приговор (или иное нереабилитирующее решение) суда, которым установлен факт совершения должностным лицом преступлений, предусмотренных ст. 285, 286, 293, 301–303, 305 УК РФ» [4, С. 16].

С последним никто, по идее, не спорит. Более того, именно этот порядок видится единственно легальным и оптимальным для снятия всех возможных коллизий, связанных с разрешением регрессного иска в суде. Практика отправления правосудия однозначно свидетельствует о том, что судьи правильно понимают преюдициальное значение окончательных актов суда, которыми установлена вина следственных органов, как в осуществлении в целом незаконного уголовного преследования, так и в реализации отдельных следственных/процессуальных действий или мер процессуального принуждения, причинивших вред реабилитированному:

- судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Республики Коми признала законным решение Сыктывкарского городского суда от 7 ноября 2017 г., которым удовлетворено исковое заявление прокурора республики к бывшему следователю одного из региональных следственных органов о взыскании в доход федерального бюджета в порядке регресса денежных средств в размере 420 тыс. руб. Как следует из материалов, исследованных судом, в октябре 2016 г. этот следователь был осужден за фальсификацию доказательств по делу. По заявлению

реабилитированного с казны Российской Федерации взыскано 420 тыс. руб.; по регрессному иску прокурора эта сумма (в порядке п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ) взыскана с бывшего следователя в доход Российской Федерации⁷;

- в 2014 г. прокурором Московского района г. Калининграда предъявлен иск к сотрудникам полиции С. и К. в интересах Российской Федерации в соответствии с нормами п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ. Основанием предъявления иска послужил приговор Московского районного суда г. Калининграда, которым С. и К. признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК. Решением суда в доход государства солидарно с С. и К. в порядке регресса взыскано 100 тыс. руб., выплаченных ранее Министерством финансов РФ за счет казны Российской Федерации [4, с. 15];
- 17 июля 2014 г. мировым судьей Н-го судебного участка № 1 Липецкой области рассмотрено гражданское дело по иску Министерства финансов РФ к следователю Н-го ОМВД Липецкой области о взыскании в порядке регресса. В ходе рассмотрения иска судья установил: постановлением Н-го районного суда Липецкой области от 15 февраля 2012 г. признано незаконным производство обыска в жилище Н., ...произведенного на основании постановления следователя в случаях не терпящих отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). На основании этого судебного решения гражданином Н. с Министерства финансов РФ (в порядке гл. 18 УПК РФ) взыскан ущерб в размере 17 тыс. 700 руб. По регрессному иску Министерства финансов РФ к следователю эта сумма взыскана в доход федерального бюджета Российской Федерации⁸.

В каждом из указанных случаев мы имеем дело с легальным порядком как установления искомой виновности следственных органов, так и разрешения регрессного иска к причинителю вреда; причем с порядком, одновременно

⁷ См.: По регрессному иску прокуратуры Республики Коми бывший следователь должен возместить бюджету расходы, понесенные в связи с реабилитацией незаконно привлеченного к уголовной ответственности лица. Заглавие с экрана. URL: <https://www.mngz.ru/russia-world-sensation/3815188-po-regressnomu-isku-prokuratury-respubliki-komi-byvshiy-sledovatel-dolzhen-vozместit-byudzhetu-rashody-ponesennye-v-svyazi-s-reabilitatsiey-nezakonno-privlechenogo-k-ugolovnoy-otvetstvennosti-lica.html> (дата обращения: 04.06.2020).

⁸ См.: Взыскание с следователя в порядке регресса денег выплаченных по реабилитации? Заглавие с экрана. URL: <https://www.police-russia.com/showthread.php?t=89534> (дата обращения: 06.06.2020).

обеспечивающим и интерес государства и права, и законные интересы (действительно, виновного) регрессата. Оптимальность такого порядка признается и Министерством финансов РФ, одним из регрессиентов по смыслу п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, ибо, разъясняя территориальным органам порядок регресса, Правовой департамент Минфина РФ итожит: «В первую очередь Управлениям надлежит обращаться в суды с регрессными требованиями к должностным лицам, чьи действия (бездействия) были признаны незаконными вступившими в законную силу судебными актами. Именно обращение с регрессными исками к таким лицам процессуально обоснованно, ...и имеет перспективы взыскания (выделено нами — Н.К.) в доход государства денежных средств»⁹. Однако именно от этого порядка, напомним, государство отказалось по итогам новаций от 29 ноября 2011 г. (ФЗ № 239-ФЗ). Отказалось решительно, с изменением ряда законов и ведомственных нормативных правовых актов.

В итоге, доктрина и практика искусственно «нарабатывают» искомое основание для предъявления и разрешения регрессного иска из суррогатов различного рода служебных проверок¹⁰, материалов оперативных (служебных) совещаний¹¹; актов прокурорского реагирования и ведомственного процессуального контроля. При этом акцентуации к (якобы) предпрешающей роли результатов служебных проверок содержатся как в суждениях большинства представителей российской доктрины, занимавшихся исследованием коллизий, связанных с разрешением регрессного иска [3, с. 83; 4, с. 14–16; 5, с. 26–28], так и непосредственно в предписаниях ведомственных нормативных правовых актов. В совместном приказе Генеральной прокуратуры РФ и Министерства финансов РФ от 20 января 2009 г. № 12/3н прямо предписывается проводить служебные расследования «в каждом случае вынесения судами или органами предварительного следствия и дознания

процессуального решения, влекущего признание права на реабилитацию»¹².

Между тем императивность этого указания явно нивелируется тем обстоятельством, что нормы УПК РФ в принципе не предусматривают ни возможности реализации непосредственно прокурором подобных служебных расследований [6, с. 20], ни обязанности их производства в соответствии с указанием прокурора. В итоге, если подобные проверки и реализуются для целей института реабилитации (гл. 18 УПК РФ) или п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, то исключительно в соответствии с предписаниями внутриведомственных нормативных правовых актов¹³. Максимум прав прокурора в этом вопросе: мотивированно истребовать материалы подобной проверки для целей их изучения и прокурорского реагирования.

Показательно и то, насколько материалы этих проверок (как «надлежащее» основание иска), действительно, являются аргументом для суда при рассмотрении и разрешении регрессных требований по существу:

- «...условием привлечения сотрудника органов внутренних дел к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный им при выполнении служебных обязанностей, являются противоправные действия (бездействия) такого сотрудника. Необходимо установление фактов наступления вреда, его размера, противоправности поведения причинителя вреда, его вины (в форме умысла или неосторожности), а также причинно-следственной связи между действиями причинителя вреда и наступившими неблагоприятными последствиями. Бремя доказывания наличия совокупности указанных обстоятельств законом возложено на истца.
- ...Не может служить основанием для удовлетворения иска указание в материалах служебной проверки на то, что следователем Э.В. при отсутствии достаточных оснований было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела в отношении О.М., а следователем Р.К. при отсутствии достаточных доказательств вынесены постановления

⁹ Министерство финансов Российской Федерации. Письмо от 3 октября 2014 г. № 08-04-06/3395 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ См.: Решение Куйбышевского районного суда г. Самары от 19.04.2016 по делу № 2-651/2016; решение Железнодорожного районного суда г. Ульяновска от 13.03.2013 по делу № 2-315/2013; Решение Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 22.05.2013 по делу № 2-1513/2013 // ГАС «Правосудие» (дата обращения: 05.06.2020).

¹¹ См.: Решение Ново-Савинского районного суда г. Казани от 23.04.2013 по делу № 2-2129/2013 // ГАС «Правосудие»; решение Сальского городского суда Ростовской области от 09.04.2013 № 2-579/2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/biANKnswgOV6/> (дата обращения: 02.06.2020).

¹² См.: Приказ Генеральной прокуратуры РФ и Минфина РФ от 20.01.2009 № 12/3н «О взаимодействии органов прокуратуры и Министерства финансов Российской Федерации при поступлении сведений об обращении в суд гражданина с иском (заявлением) о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования» // Законность. 2009. № 4 (894). С. 53–55.

¹³ См.: Приказ МВД РФ от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

о привлечении лиц в качестве обвиняемых по уголовному делу, избрании в отношении них меры пресечения в виде подписки о невыезде, ...поскольку вина ответчиков судебным постановлением не установлена, их действия при расследовании уголовного дела не признаны незаконными либо не соответствующими требованиям уголовно-процессуального законодательства.

- ...В материалах дела отсутствуют какие-либо процессуальные документы, содержащие указания на нарушение следователями норм уголовного процессуального закона при проведении расследования, и, следовательно, доказательств противоправности действий (бездействия) ответчиков и наличия вины в причинении вреда не имеется, основания для взыскания с ответчиков в порядке регресса денежных средств в суде отсутствовали»¹⁴;
- «...вывод о виновности ответчиков, изложенный в заключении служебной проверки, является частным мнением должностного лица, ее проводившего, и не свидетельствует о наличии вины ответчиков для целей регрессного требования»¹⁵ [5, с. 26].

С сутью этих правовых позиций суда всецело согласованы и обобщающие эмпирические данные, наглядно отражающие реальное состояние дел в сфере предъявления и разрешения регрессных требований государства к следственным и иным правоохранительным органам — регрессатам по смыслу п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ [3, с. 15]:

- в 2013 г. в целом по Российской Федерации право на реабилитацию признано за 18 466 лицами. В счет возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, всего из казны Российской Федерации взыскано — 396 756 000 руб. Всего в суды внесено 7 регрессных исков на общую сумму 1 161 000 руб.; из них удовлетворены 4 — на общую сумму 46 000 руб.;

¹⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2020 по делу № 88-1874/2020 // СПС КонсультантПлюс. Аналогично, по сути: решение Куйбышевского районного суда г. Самары от 05.04.2016 по делу № 2-627/2016; апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Татарстан от 29.08.2013 по делу № 33-10237/2013; решение Светлогорского городского суда Калининградской области от 09.06.2014 по делу № 2-327/14; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 06.10.2016 по делу № 33-13109/2016; и др. // ГАС Российской Федерации «Правосудие».

¹⁵ Решение Анапского городского суда Краснодарского края от 02.10.2017 по делу № 2-3766/2017 // ГАС Российской Федерации «Правосудие».

отклонено 3 иска — на сумму 1 115 000 руб. Доля регрессного возмещения в бюджет Российской Федерации, таким образом, составила: 0,011 %;

- в 2014 г. право на реабилитацию признано за 17 644 лицами. В счет возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, из казны Российской Федерации взыскано — 314 584 000 руб. В порядке п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ в суды внесено 8 регрессных исков; удовлетворены 2 — на общую сумму 105 000 руб.; отклонено 6 исков — на общую сумму 455 000 руб. Доля возмещения в федеральный бюджет Российской Федерации составила: 0,033 %.

Анализируя эти «итоги», большинство исследователей резюмируют и крайне незначительное количество дел, по которым заявлены регрессные иски, и в целом негативную практику их разрешения в порядке п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ. В качестве заключений несколько сокрушаются в части того, что государство несет огромные, невосполнимые потери; причем при наличии явных тенденций к их нарастанию. Соответственно, как панацею предлагают кардинально повысить эффективность служебных проверок по каждому факту вынесения реабилитирующих актов и, особенно, по фактам взыскания с государства вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием. В качестве рекомендаций указывают, что в ходе служебной проверки должны быть установлены: обстоятельства, повлекшие принятие реабилитирующего решения; полномочия должностного лица, чьи действия привели к принятию такого решения; наличие причинно-следственной связи между действиями должностного лица и осуществлением незаконного или необоснованного уголовного преследования [3, с. 16]. Тем самым, видимо, презюмируется, что посредством этих усилий эффективность разрешения регрессного иска возрастет кардинально.

Сомневаемся, ибо нам, к примеру, не очень понятно: зачем устанавливать «обстоятельства, повлекшие принятие реабилитирующего решения». Они исчерпывающе определены уголовно-процессуальным законом (чч. 2–3 ст. 133 УПК РФ); полно и всесторонне проверены судом при постановлении реабилитирующих актов; закреплены приговором — как юридические основания реабилитации и, соответственно, права на возмещение вреда. К чему повторяться? Столь же бессмысленно «разбираться» в полномочиях должностных лиц следственных органов, ибо последние также определены уголовно-процессуальным законом и легально формируют процессуальный статус соответствующего должностного лица. В результате в качестве

актуального предмета служебной проверки выступает непосредственно деятельность должностных лиц следственных и иных правоохранительных органов по инициации и реализации уголовного преследования, объективированная через процессуальные акты (действия и решения) по реализации уголовного судопроизводства к достижению его цели и решению непосредственных процессуальных задач. И в этом контексте, действительно, надо определяться в вопросах о том:

- какие именно действия и решения (каких именно органов и должностных лиц) стали реальной причиной того, что суд констатировал факт незаконности осуществляемого уголовного преследования;
- какой именно вред, и в каком («регрессном») объеме эти конкретные действия и (или) решения причинили непосредственно реабилитированному;
- имеется ли причинно-следственная связь между реализованными процессуальными актами и наступившими негативными последствиями для уголовно-преследуемого лица; с какой формой вины, и какими мотивами следует связывать их наступление (etc).

С последним пока выходит «не очень». Во многом по причине того, что эти обстоятельства в принципе не предмет служебной проверки: субъекты, сроки, познавательные средства которой, в отличие от легальных процессуальных расследований, «рождают» лишь суррогаты «доказательств» и «оснований» для предъявления регрессного иска. Кроме того, как предмет этой проверки, так и процесс законного и обоснованного разрешения регрессного иска в суде в принципе не учитывают специфики статичности и динамики российского уголовно-процессуального права, игнорируют реальный процесс реализации процессуальных решений и действий.

Во-первых, в ходе служебной проверки и в рамках рассмотрения регрессного иска во внимание практически не принимаются как суть, так и содержание исходной категории «уголовное преследование». Между тем определенности нет как в моменте, с которого начинается реализация указанной функции, так и в моменте ее окончания. Доктрина, к примеру, формирует суждения о том, что начальный момент ее осуществления следует связывать: с началом реализации мер оперативно-разыскного характера, направленных на формирование повода к возбуждению уголовного дела [8, с. 263]; с системой проверочных действий, реализуемых в рамках последовательной проверки по правилам ст. 144 УПК РФ [9, с. 31, 55]. Высший орган конституционного правосудия России, с одной стороны,

констатирует, что публичное уголовное преследование начинается актом возбуждения уголовного дела¹⁶. С другой, принципиально подчеркивает, что акт возбуждения дела «по факту» не нарушает интересов и прав заинтересованных лиц и, как следствие, не может выступать предметом судебной проверки в порядке ст. 125 УПК РФ¹⁷. И, напротив, вынесение постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица ставит последнего в процессуальное положение подозреваемого, причиняет вред конституционным правам этих лиц и, соответственно, является предметом данной судебной проверки¹⁸.

Подобные процессуальные «тонкости» мало интересуют лиц, реализующих процесс служебной проверки, и суд, разрешающий спор по регрессному иску. Между тем вред (нередко, существенный!) может быть причинен как мерами оперативно-разыскного характера, так и действиями и решениями должностного лица, реализующего процедуры последовательной проверки по правилам ст. 144 УПК РФ; примеры тому известны. Лицо, в отношении которого вынесен реабилитирующий акт, справедливо включает указанный вред в предмет и размеры «компенсационных» требований к государству в порядке гл. 18 УПК РФ. Суды, определяющие пределы взыскания с государства (ст. 399 УПК РФ), признают правомерность этих требований, удовлетворяя их в том или ином справедливом объеме. И, напротив, в рамках предъявления и разрешения регрессного иска к следственным органам эти виды ущерба не «дифференцируются», доли «оперативно-разыскного» или иного «вида»

¹⁶ См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogosuda-rf-ot-14012000-n/> (дата обращения: 10.01.2020).

¹⁷ См.: По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П // Там же.

¹⁸ См.: По ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 300-О по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116, 211, 218, 219 и 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 22 октября 2003 года № 385-О // Там же.

вреда не выделяются; в итоге, суду несравненно «удобней» обратиться регрессные требования исключительно в отношении лица, указанного в предъявленном иске.

Во-вторых, не «учитывается» ситуация по осуществлению непосредственно предварительного расследования и неразрывно связанного с ним элементами уголовного преследования в виде деятельности: по изобличению уголовно-преследуемых лиц; применению к ним мер процессуального принуждения; привлечению их к уголовной ответственности; составлению обвинительного заключения; направлению уголовного иска в суд для его разрешения по существу. Между тем и в этом аспекте проблема, как минимум, имеет несколько составляющих. И, прежде всего, незаконно, когда вся полнота регрессной ответственности возлагается на изначально определенное («назначенное») должностное лицо следственных органов — «стрелочника», по сути:

Уголовное дело возбуждено следователем следственного управления при Нижнекамском УВД Республики Татарстан; им же избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении гр. В. В дальнейшем дело принято к производству вторым следователем, который объявляет розыск обвиняемой В. и реализует связанные с этим действия и решения. В итоге, В. задержана; к ней применяется мера пресечения в виде заключения под стражу. Третий следователь, которому поручено дальнейшее производство по делу, выносит постановление об освобождении В. из-под стражи, но избирает меру пресечения в виде подписки о невыезде. Четвертый следователь возбуждает в отношении обвиняемой еще одно уголовное дело, соединяет их в одно производство, предъявляет окончательное обвинение, составляет обвинительное заключение. Первый заместитель Нижнекамского городского прокурора утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд. Последний возвращает дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению по существу (ст. 237 УПК РФ). Следователь «перепредъявляет» В. обвинение, составляет обвинительное заключение, которое утверждается тем же прокурором. Приговором Нижнекамского городского суда В. признается виновной; ей назначено наказание в виде лишения свободы на срок 1 год 6 мес. условно с испытательным сроком 1 год. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан (указанный) приговор отменен, уголовное дело прекращено в связи с отсутствием в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). По итогам служебной проверки, которая реализована ГСУ при МВД Республики Татарстан,

регрессный иск предъявлен лишь к четвертому следователю и начальнику Следственного управления при Нижнекамском УВД¹⁹ [5, с. 27–28];

Октябрьский районный суд г. Белгорода взыскал с казны Российской Федерации в пользу А. в порядке реабилитации денежную компенсацию морального вреда в сумме 300 тыс. руб., причиненного ему обвинением в совершении тяжкого преступления и длительным содержанием под стражей (ст. 108 УПК РФ). Как данным решением, так и апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Белгородского областного суда к нарушению конституционных прав А. при осуществлении уголовного преследования установлена причастность начальника следственной части Следственного управления УМВД по Белгородской области. Непосредственно материалами служебной проверки констатирован факт незаконного возбуждения следователем уголовного дела в отношении А., производство по которому было прекращено по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. При рассмотрении регрессного иска к следователю в порядке п. 3.1 ст. 108¹ ГК РФ, последний удовлетворен частично²⁰ [3, с. 85].

В итоге: в первой ситуации лица, реализующие служебную проверку, ведомственно игнорируют, что уголовное преследование по делу фактически осуществляли несколько процессуально самостоятельных следователей, действиями и решениями которых в той или иной мере был причинен вред реабилитированному лицу; иск предъявляется к «крайнему». За рамками служебной проверки, естественно, осталась и «доля» вреда, которая была причинена В. мерами оперативно-разыскного характера или в ходе доследственной проверки (ст. 144 УПК РФ); регрессных оснований ни к первым, ни ко вторым субъектам никто не устанавливал, «доли» вреда не дифференцировал. За рамками регресса остались «доли» ответственности прокуроров, которые непосредственно надзирали за следствием, изучали и утверждали обвинительное заключение по делу; доля ответственности прокурора, реализующего функцию государственного обвинения в суде первой инстанции. О «доле» судей,

¹⁹ По итогам рассмотрения иска в регрессе отказано в виду недоказанности как виновности исключительно названных лиц в причинении вреда, так и наличия причинно-следственной связи их решений и действий (по делу) с наступившим вредом. См.: Решение Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 22.05.2013 по делу № 2-1513/2013; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Татарстан от 29.08.2013 по делу № 33-10237/2013.

²⁰ См.: Решение Свердловского районного суда г. Белгорода от 09.01.2018 по делу № 2-69/2018.

усмотревших основания для уголовной ответственности и постановивших обвинительный приговор, в отсутствие преюдициального приговора, констатирующего их виновность, мы, естественно, даже «не заикаемся». Правила игры определены изначально, «стрелочник» официально назначен — к чему задавать риторические вопросы, нарушая порядок и процесс отправления справедливого правосудия?

Во второй ситуации вынесенными преюдициальными актами суду ясно «намекают» на причастность к незаконному уголовному преследованию иных (начальствующих!) должностных лиц следственных органов. Тем не менее в ходе регресса суд не интересуют подобные «мелочи»; есть легальный предмет и субъект иска, к которому предъявлены регрессные требования; соответственно, не дело суда в правовом государстве инициировать дополнительные акты «судебной репрессии».

Еще большей бестактностью будет постановка вопросов о том, что в действующей системе уголовного процесса России иск о регрессной «виновности» следователя, по идее, должен решаться с учетом всей диалектики решений и действий, определяющих ход и результаты этого направления деятельности. Соответственно, к исследованию в ходе предъявления и разрешения регрессного иска должны быть приняты нормы закона, регламентирующие:

- властные полномочия и акты прокурора, осуществляющего надзор за сроками, ходом и результатами доследственной проверки; за законностью и обоснованностью возбуждения дела и непосредственно процесса и актов предварительного расследования (особенно, с учетом права последнего на акты прокурорского реагирования в связи с нарушением закона). Аналогично должны быть приняты во внимание властные полномочия прокурора при утверждении обвинительного заключения и направлении дела в суд (включая право последнего на возвращение дела следователю); право на отказ прокурора от уголовного преследования в суде и т. п.;
- процессуальные и административные полномочия непосредственного руководителя следственного органа, не только максимально контролирующего весь ход и результаты предварительного расследования по делу, но и дающего обязательное согласие на реализацию большинства следственных и процессуальных решений и действий, в том числе существенно ограничивающих интересы и права уголовно-преследуемых лиц (ст. 39 УПК РФ). При расследовании дела следственной группой (ст. 163 УПК РФ), к дополнительному учету должны быть приняты

процессуальные полномочия непосредственного руководителя группы. Про потенциальную ответственность руководителей вышестоящих следственных органов, согласующих неоднократное продление срока предварительного следствия (ст. 162 УПК РФ), также «забывать» не желательно. Равно как об ответственности бесчисленных инспекторов организационно-зональных отделов, отделов процессуального контроля и т. п., с редким рвением изучающих материалы расследуемого уголовного дела и дающих «ценные» указания по тем или иным процессуальным вопросам;

- «святотатство», но, видимо, надо помнить и то, что большинство из процессуальных решений, максимально связанных с ограничением интересов и прав уголовно-преследуемых лиц в стадии предварительного расследования, принимается именно судом (ст. 29 УПК РФ). По факту, исключительно суд (не следователь!) принимает решение о применении к обвиняемому таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, залог; он же наделен исключительным правом к неоднократному продлению срока применения названных мер (ст. 109 УПК РФ) — при констатации, конечно, законных оснований для этого. Только по решению суда реализуется большинство следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод граждан (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), ибо если суд в ходе проверки не найдет законных к тому оснований, следователю будет отказано в их производстве (ст. 165 УПК РФ). Наконец, именно суд призван к текущей проверке (по жалобам частных заинтересованных лиц) законности и обоснованности большинства из процессуальных решений и действий следственных органов, прокурора и оперативному устранению, тем самым, вреда, причиняемого уголовно-преследуемым лицам (ст. 125 УПК РФ). При исходном условии добросовестности, беспристрастности, принципиальности суда в этих моментах качественные и количественные характеристики вреда могли быть минимизированы на самом начальном этапе расследования.

В настоящее время — это не более чем «благие» пожелания. Суд, в силу закона, а priori исключен из субъектов регрессной ответственности. Органы прокуратуры властно «обосновали» свой иммунитет от этого рода исков ведомственным нормативным правовым регулированием. Ставить вопрос об ответственности вышестоящих руководящих и контролирующих начальников — в российской системе как-то

не принято. В итоге, полноценный и реально необходимый процесс расследования и установления релевантно значимых фактов пытаются подменить симулякрами служебных проверок. Отсюда, реалии практики, по сути которой:

- инициаторы иска до сих пор «не в силах понять»: в чьих интересах, для реализации каких именно целей следует заявлять регрессные требования, ибо, к примеру: Министерство финансов РФ, предъявляя регрессные требования к следователю СО ОМВД по Сальскому району Ростовской области, требует взыскать регрессные суммы «...в пользу Министерства финансов Российской Федерации»²¹; Министерство внутренних дел РФ²², в лице своих представителей, «отстояло» в апелляционной инстанции взыскание денежных средств со следователей Р.К. и Э.В. «...в пользу Министерства внутренних дел по Кабардино-Балкарской Республике»²³. Тем самым, ведомства-регрентиенты пытаются использовать процедуры регрессного иска в сугубо своих интересах. Между тем единственно легальным истцом и взыскателем по этого рода искам является Российская Федерация, так как именно из казны последней был реально возмещен вред, причиненный реабилитированному. Насколько «осознание» этого факта скажется на инициативности управомоченных регрентиентов — объективирует практика; пока же подобные притязания заинтересованных «взыскателей» легко нивелируются судами вышестоящих инстанций;
- участие в «регрессных» процессах, в качестве третьих лиц, представителей Министерства внутренних дел РФ и Генеральной прокуратуры РФ выглядит явно сомнительным. Основания наших сомнений в том, что, если судебная практика все же наработает алгоритмы необходимой «дифференциации» регрессных требований между всеми субъектами причинения вреда, как первые, так и вторые вполне могут быть «преобразованы» в соответчиков по иску; солидарно или в долях. Полагаем, это несколько снизит их «инициативность» к регрессу;

²¹ См.: Решение Сальского городского суда Ростовской области от 09.04.2013 № 2-579/2013.

²² Право МВД Российской Федерации на заявление регрессного иска вытекает из ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

²³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2020 по делу № 88-1874/2020.

- судьи никак не могут определиться в вопросе о том, по каким именно правилам следует возлагать регрессную ответственность на «назначенные» виновными лица. По сути одних прецедентов: вред в порядке регресса возмещается солидарно²⁴. Правовые позиции других принципиально отличны: «в силу положений ст. 322, 1080 ГК РФ не имеется оснований для возложения на ответчиков солидарной ответственности, поскольку в рамках предварительного следствия каждым из них принимались самостоятельные решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа»²⁵.

Аналогично не определилась в этих моментах российская правовая доктрина, одновременно констатируя, «что незаконное или необоснованное уголовное преследование может быть по вине нескольких должностных лиц (в том числе различных ведомств). В таких случаях они несут солидарную ответственность (ст. 1080 ГК РФ)»; при этом «...размер, подлежащих взысканию денежных сумм, определяется судом пропорционально форме и степени вины каждого, а при невозможности их определения доли признаются равными (ст. 1080 и п. 2 ст. 1081 ГК РФ)» [4, 16]. Возможно, мы ошибаемся, но «...пропорционально форме и степени вины каждого» — это явно не солидарно;

- возникают вопросы о законности взыскания с регрессата, кроме, собственно, причиненного казне Российской Федерации вреда, сумм в виде государственной пошлины за рассмотрение регрессного иска. Полагаем, очевидно, что эти денежные средства никак не были взысканы с казны Российской Федерации в порядке гл. 18 УПК РФ; соответственно, никакого ущерба в части этих сумм Российская Федерация не понесла. Отсюда, бесспорное их взыскание с регрессата, как минимум, несправедливо;
- надо ставить точку в «дискуссии» о пределах сумм, взыскиваемых в порядке регресса. Пока в равной мере известны суждения о том, что «закон ограничивает Минфин в суммах взыскания по подобным регрессным искам — они должны коррелироваться

²⁴ См.: Решение Московского районного суда г. Калининграда (2014 г.) о взыскании солидарно с С. и К. в порядке регресса 100 тыс. рублей [2, с. 16].

²⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.03.2020 по делу № 88-1874/2020.

с зарплатой виновных лиц»²⁶; как следствие, суды правы в том, что по нормам Трудового кодекса РФ «за причиненный ущерб работник несет материальную ответственность в пределах среднего месячного заработка» [1]. Нам же верным видится указание Генеральной прокуратуры РФ от 22 января 2013 г. № 8-12-2013 «О регрессной ответственности должностных и иных лиц перед Российской Федерацией», по сути которого: ответственность должностных лиц в порядке регресса наступает в соответствии с гражданским законодательством. Положения трудового законодательства при этом не применяются, ибо его нормами регулируется ответственность работника только перед работодателем.

Аналогично вызывает вопросы практика разрешения регресса мировым судьей (т. к. предмет и основания этого иска явно выходят за пределы его компетенции); легальность удовлетворения регрессного иска в отсутствие регрессата (который не был уведомлен о дате и месте судебного заседания)²⁷; возможность рассмотрения регресса за пределами срока исковой давности (ст. 196, п. 3 ст. 200 ГК РФ)²⁸. Однако более беспокоит все же иное. Судя по законодательным инициативам [1, 2], государство решило максимально повысить эффективность в сфере регресса в отношении следственных органов. Соответственно, если поступит «команда», никто не будет ни обсуждать, ни принимать во внимание озвученные теоретические «изыски» на предмет дифференциации реальной ответственности за вред или определения справедливых «долей» вины. Скорее всего, исчезнут также «сомнения» относительно ненадлежащей юридической силы материалов различного рода служебных проверок. Телеологически согласованная и отлаженная система легко обеспечит государству требуемый результат, благо «стрелочники», в целом, известны. Как, соответственно, отреагирует система следственных органов — здесь вариантов немного: либо надо «смириться» (если недолго до пенсии), либо изначально правы те исследователи [5, 30], которые при оценке данной

ситуации прямо указывают на варианты неизбежного коллапса системы следственных органов — как единственно (возможного) регрессата по смыслу п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ.

Список литературы

1. Трифонова Е. Регресс почти на миллиард рублей. Судей и следователей могут заставить платить за ошибки из собственных карманов. Заглавие с экрана. URL: http://nvo.ng.ru/politics/2018-02-08/3_7168_regress.html (дата обращения: 02.06.2020).
2. Альшевская А. За незаконное уголовное преследование предлагают платить больше (Законопроект № 729341-7 «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части установления минимального размера компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование»). Заглавие с экрана. URL: <https://pravo.ru/news/212289/> (дата обращения: 04.06.2020).
3. Потетин В.А. Предъявление регрессного иска к следователю: причины, практика и риски // Уголовный процесс. 2019. № 10. С. 80–85.
4. Зяблина М.В., Великая Е.В. Предъявление прокурами регрессных исков в связи с принятием судами решений о возмещении реабилитированным лицам вреда, причиненного незаконным (необоснованным) уголовным преследованием // Законность. 2016. № 4. С. 13–17.
5. Ларкина Е.В. Регрессный иск к следователю как последствие реабилитации лица в уголовном судопроизводстве // Криминалист. 2018. № 3. С. 24–30.
6. Брусницын Л.В. Нужны ли прокуроры и представители Минфина в делах о возмещении вреда в связи с незаконным уголовным преследованием // Уголовный процесс. 2009. № 11. С. 18–21.
7. Виноцкий Л.В., Муллахметова Н.Е. О регрессной ответственности должностных лиц, виновных в незаконном уголовном преследовании // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. № 15(2). С. 49–54.
8. Аскеров Б.М. Некоторые проблемы уголовно-розыскного преследования // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 261–265.
9. Лизунов А.С. Доследственная проверка как часть досудебного производства : дис. ...канд. юрид. наук (12.00.09) – Н. Новгород, 2017. 226 с.

²⁶ См.: CRIMERUSSIA: Минфин пытается взыскать миллион со следователей, которые вели дело о покушении на Николая Тарана. Заглавие с экрана. URL: <https://zekovnet.ru/crimerussia-minfin-rf-pytaetsya-vzyskat-1-mln-rub-so-sledovatelej-kotorye-veli-delo-o-pokushenii-na-nikolaya-tarana/> (дата обращения: 09.06.2020).

²⁷ См.: Взыскание с следователя в порядке регресса денег выплаченных по реабилитации? Заглавие с экрана. URL: <https://www.police-russia.com/showthread.php?t=89534> (дата обращения: 20.05.2020).

²⁸ См.: CRIMERUSSIA: Минфин пытается взыскать миллион со следователей, которые вели дело о покушении на Николая Тарана // Там же.

Recourse Action Against Investigative Authorities is a Legal Way of «Fall Guys:» Identifying Who Made a Mistake in the Criminal Procedural System

Kovtun Nikolai,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Professor at the Department of Criminal Procedure
of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation
E-mail: kovtunnov@mail.ru

Abstract. The author indicates how and in which ways tendencies of recourse recovery from guilty persons of investigative authorities can be realized. The article reviews practical experience of recourse actions disposition over the last years in the Russian Federation. From the author's point of view, this practical experience is confusing, conflicting, and potentially hazardous.

In 2018, the Law Commission of the Government of the Russian Federation endorsed a bill aimed at improving recourse actions against investigative authorities. The legal fundamentals of the bill are stated in regulations of Chapter 18 the RF CPC and again in Articles 1069, 1070, 1080, sub-paragraphs 3 and 3.1 of the Article 1081 of the CCRF. The main idea of the bill is to improve the subjects and practice of recourse recovery from guilty parties of investigative authorities and other law enforcement agencies of those funds that were disbursed to rehabilitees from the Treasury of the Russian Federation account in accordance with Chapter 18 of the RF CPC [1]. The Russian Federation State Duma presented a bill in 2019 that specified the minimum amount of state monetary compensation for unwarranted prosecution of such persons who (in future) would be liable to rehabilitation. There are some innovations of the given bill. The minimum compensation per rehabilitee is 1000 RUB for each day of pretrial investigation and judicial inquiry; 5000 RUB per day for illegal use of such restrictive measures as house imprisonment, restraining order, and written undertaking not to leave the place; and 15 000 RUB per day of illegal stay in pretrial detention facility [2].

If these new measures are accepted, the amounts of recourse against investigative authorities will be cardinaly increased. The keys of the above-noted lie in growing statements. The main point of these statements is that the federal budget loses huge sums annually and irrevocably through the realization of institute rehabilitation.

Keywords: criminal prosecution, rehabilitation, damage, compensation, the Treasury of the Russian Federation, recourse action, internal investigation, persons liable to recourse.

References

1. Trifonova E. Regression by almost a billion rubles. Judges and investigators can be forced to pay for mistakes out of their own pockets. Screen title. URL: http://nvo.ng.ru/politics/2018-02-08/3_7168_regress.html (Accessed: 02.06.2020) (In Russ.).
2. Alshevskaya A. They propose to pay more for illegal criminal prosecution (Draft Law No. 729341-7 "On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation in terms of establishing the minimum amount of compensation for moral damage for illegal criminal prosecution"). Screen title. URL: <https://pravo.ru/news/212289/> (Accessed 04.06.2020). (In Russ.).
3. Potetinov V.A. Filing a recourse action against an investigator: reasons, practice and risks. *Criminal process*. 2019;(10):80-85. (In Russ.).
4. Zyablina M.V., Velikaya E.V. Submission of recourse claims by prosecutors in connection with the adoption by the courts of decisions on compensation to rehabilitated persons for harm caused by illegal (unjustified) criminal prosecution. *Legality*. 2016;(4):13-17. (In Russ.).
5. Larkina E.V. A recourse action against an investigator as a consequence of a person's rehabilitation in criminal proceedings. *Criminalist*. 2018;(3):24-30. (In Russ.).
6. Brusnitsyn L.V. Are prosecutors and representatives of the Ministry of Finance needed in cases of compensation for harm in connection with illegal criminal prosecution? *Criminal process*. 2009;(11):18-21. (In Russ.).
7. Vinitkiy L.V., Mullakhmetova N.Ye. On regressive responsibility of officials guilty of illegal criminal prosecution. *Bulletin of SUSU. Series "Right"*. 2015;15(2):49-54. (In Russ.).
8. Askerov B.M. Some problems of criminal investigation. Gaps in Russian legislation. 2011;(6):261-265. (In Russ.).
9. Lizunov A.S. Pre-investigation check as part of pre-trial proceedings: dis. ... Cand. jurid. Sciences (12.00.09).